

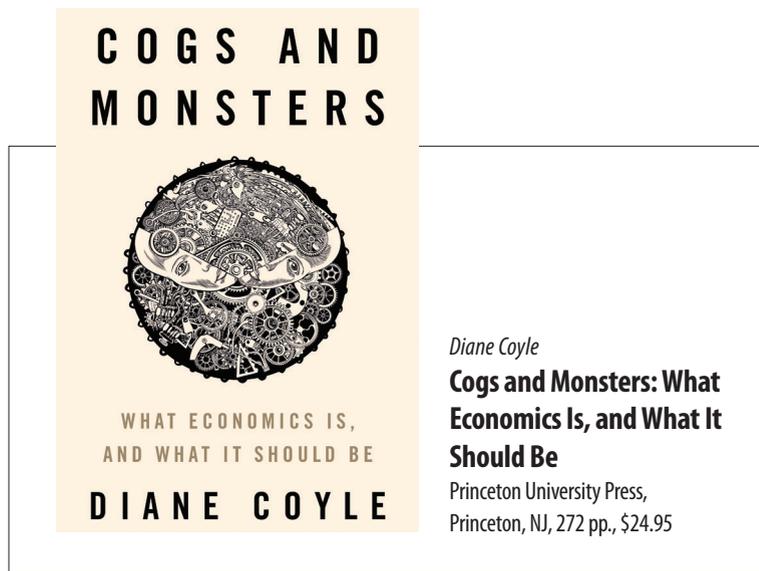
Корректировка курса

ДВА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЯ были безумным временем для экономики. В начале 2000-х годов сложные финансовые рынки и углубление глобальной экономической интеграции приветствовались как достижения современной экономической и финансовой системы, до тех пор пока мировой финансовый кризис не заставил задуматься о том, почему экономисты не предвидели роста напряженности и факторов уязвимости на финансовых рынках и их последствия. Спустя чуть более десятилетия COVID-19 поставил вопрос о целесообразности тесно интегрированных производственных цепей с глобальным распределением. Эти кризисы заставили подвергнуть сомнению ранее имевшиеся представления и подстегнули существующий скептицизм в отношении капитализма и экономики в целом.

В книге *Cogs and Monsters: What Economics Is, and What It Should Be* («Шестеренки и монстры: что такое экономика и чем она должна быть») экономист Кембриджского университета Дайен Койл рассматривает некоторые из этих тем. «Шестеренки» олицетворяют (предположительно) отрицательный аспект экономики — лежащую в основе стандартных экономических моделей надуманную и нереалистичную предпосылку о существовании глубоко рациональных субъектов, способных оптимизировать сложные объективные функции. По аналогии с причудливыми существами на средневековых картах, символизирующими непознанные территории, «монстры» являются аллюзией на многочисленные изменения в глобальной экономике, ведущие к формированию новых неизученных областей, в которых экономическая наука в ее нынешнем виде не в состоянии разобраться.

Койл приводит длинный список «шестеренок». Прежде всего, это стилизованная суть экономических моделей. Экономисты охотно укажут на то, что любая модель, чтобы быть полезной, должна абстрагироваться от реальности. Как отмечает сама Койл, схема лондонской подземки дает слабое представление о том, как выглядит Лондон, но она весьма полезна для достижения заданной цели — сориентироваться в метро. Однако она не дает экономистам послабления, указывая на чрезмерную «математичность» экономики, за которой зачастую теряются исходные предпосылки. Хотя эта критика и оправдана, предлагаемое ею решение — вступление на путь «теоретической специализации» — вряд ли укрепит доверие к экономическим моделям.

Однако в целом Койл удается отделить собственно критику экономики от часто создаваемых критиками искаженных аргументов. Хотя она сама не обходится без подмены понятий. Например, она сетует на то, что критерий Парето, суть которого в том, что какая-либо мера политики при-

Diane Coyle

Cogs and Monsters: What Economics Is, and What It Should Be

Princeton University Press,
Princeton, NJ, 272 pp., \$24.95

ветствуется только в том случае, если она не наносит вреда ни одному человеку, бесполезен для разработки экономической политики. Но большинство экономистов с этим не согласны. Возьмем для примера торговую политику. Большинство экономистов поддерживает либерализацию торговли как меру политики, выгоды от принятия которой перевешивают потери. В данном случае проблема не в нарушении критерия Парето, а в том, что директивные органы редко сдерживают обещание компенсировать потери.

Автор также описывает темные стороны самой профессии, включая укоренившиеся структуры, препятствующие возникновению новых идей, культуру агрессивного ведения дискуссий и недостаток гендерного и расового разнообразия. Это длинный список, что означает, что меньше внимания может быть уделено другим темам. Койл убедительно обозначает связанные с цифровой экономикой трудности в деле измерения ВВП и экономического моделирования. При этом она не отвечает на некоторые из наиболее насущных на сегодняшний день вопросов: какую роль может и должна играть экономическая политика в борьбе с изменением климата? Как сделать экономический рост более инклюзивным? Как отразится рост автоматизации на будущем рабочего процесса? Тем не менее Койл убедительно осветила ряд важных вопросов, которым профессиональные экономисты, как в научных, так и в политических кругах, должны уделить серьезное внимание. **ФР**

МАРТИН ШИНДЛЕР — заместитель начальника отдела, Институт профессионального и организационного развития МВФ.